

ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ УБИЙСТВА,
НУЖНО ВЕРНУТЬСЯ В НАЧАЛО

ЛОВУШКА

ПАМЯТИ

ЛОРА

КЕЙЛИ

Лора Кейли
Ловушка памяти
Серия «Кто-то всегда
лжет. Триллеры Л. Кейли»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69958027
Ловушка памяти: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191066-2

Аннотация

Сержант полиции Маркус Хейз, возвращаясь с дежурства домой, попадает в снежную бурю. Он еще не знает, что это опоздание станет фатальным и вскоре Хейз потеряет всё.

Дома он обнаруживает жену убитой, и с этого момента его жизнь превращается в настоящий кошмар. Убийца преследует его повсюду, жена мерещится на каждом шагу, а всматриваясь в ее посмертные фото, он вдруг видит на них не жену, а убитую два года назад Сильвию Бейтс.

Расследование уже заходит в тупик, когда убийца напоминает о себе очередным преступлением. Как связаны эти три убийства и почему мертвые преследуют живых?

Только пробравшись по лабиринтам собственной памяти, Маркус Хейз сможет найти ответы.

«Каждый роман Лоры Кейли – это полет на воздушном шаре. Интрига разогревает воздух под куполом, а твист выбивает почву из-под ног. Автор освобождается от балласта материальности и парит, удерживая внимание неожиданной фантазией. В этом и заключается высший пилотаж». – редактор Екатерина Ирмеш

Блестящий конкурент Блейка Крауча, Франка Тильев и Джона Маррса – Лора Кейли. Применяет монтажную технику композиции, что роднит ее книги с кинематографом. Лора Кейли умеет заканчивать главу на пике напряжения, удерживая внимание читателя.

Содержание

1 глава	6
2 глава	12
3 глава	19
4 глава	25
5 глава	33
6 глава	42
7 глава	48
8 глава	57
9 глава	62
10 глава	73
11 глава	79
12 глава	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лора Кейли

Ловушка памяти

© Кейли Л., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

1 глава

Зима в этом году пришла раньше обычного. Маркус Хейз возвращался с дежурства, отбиваясь от кучно летящих в лобовое стекло хлопьев снега. Они слипались еще на лету, атакуя машину белыми ошметками, закрывая и без того непроглядную даль. «Дворники» прессовали снег в кашу и размазывали ее по стеклу. Радио шипело пропадающими новостями. Маркус покрутил регулятор приемника.

Национальная метеорологическая служба предупреждает об усилении ветра. По возможности воздержитесь от дальних поездок.

Голос зашипел и пропал, как и все пропало еще неделю назад: и улицы, и дома, и дороги – все скрылось за снежной пеленой. Маркус прищурился, пытаясь понять, где именно находится, но только белоснежная рябь замерцала в глазах. Шины скользили по накатанному снегу, колеса прокручивались, теряя сцепление с дорогой. Да и где она была, та дорога? Ничего не разглядеть... Хейз, как в морском тумане, не видя ни пути, ни горизонта, как и все внезапно ослепшие, пробирался тихо, будто на ощупь, по засыпанным дорожным маякам.

По правой стороне вдоль обочины мерцали красные стоп-

сигналы паркующихся машин. Люди бросали их где придется и добирались до дома пешком. Маркус включил поворотник и встал в один из придорожных карманов под знаком «Парковка запрещена». Знак этот он заметит только завтра утром, когда после бессонной ночи, проведенной в морге, дойдет до своего авто. Пока же Маркус шел в сторону дома, безудержно моргая от летящего в лицо приставучего липкого снега. Живот светло... нет, не от голода, это совсем другое. Он вдохнул холодный воздух, пытаясь расправить легкие, но холод застрял в груди – и вышел кашлем. Надвинув на лицо ворот куртки, Маркус шел против бури. За свои сорок лет он не видел такого кошмара. Темные облака вереницей неслись вдаль, не давая просвета земле; они неслись, гонимые ветром, освещаемые лишь у горизонта робким светом уходящего дня.

* * *

Кэтрин поставила пирог в духовку, выставив таймер на тридцать минут. Скоро дом наполнится запахом ванили и печеных яблок. Маркус любил этот запах, напоминавший ему детство. Она надеялась, что это хоть как-то отвлечет его от работы. За последний месяц он изрядно устал.

Кэтрин отошла от духового шкафа, когда жар подошел к стеклу. Она любила смотреть, как поднимается тесто, как оно покрывается легким румянцем, как сворачиваются от

жара края торчащих из формы яблок. Но сейчас Кэтрин смотрела на дверь. Маркус уже полчаса как должен был приехать. Снежная буря шла стеной, закрывая собой и дома, и дорогу, и все, что было на ее пути, не давая и шанса разглядеть хоть что-то. Кэтрин припала к окну, провела ладонью по покрывшей его испарине – все та же холодная пелена, густая, беспросветная, только желтые лампы уличных фонарей проступают через снежное марево...

Машины Маркуса все еще не было видно. Одна фара его старого «Опеля» была неисправна, и поэтому этот одноглазый седан можно было узнать за версту. Никого... Кейт посмотрела на дверь. Она не выносила, когда Маркус гремел ключами – у него их была целая связка, – но сейчас ждала этого брнчания, как никогда. Все было тихо – ни звука, ни шороха колес за окном, ни голосов соседей, лишь тишина, белое туманное безмолвие. Кейт стучала прозрачными ногтями по дубовому столу, отбивая знакомый ритм. Включила радио – помехи на станции прерывали эфир. Телевизор показывал лишь серые полосы и черную надпись об отсутствии сигнала. Мир будто выключил себя.

* * *

Маркус шел по проезжей части – все тротуары были забиты машинами. Те, кто еще не терял надежды, буксовали на покато́м склоне, медленно съезжая вниз. Он и не помнил,

когда последний раз была такая метель. Посмотрел на часы – без четверти девять, он опять заставил себя ждать... Если ему что-то и не удалось в этой жизни, так это быть хорошим мужем. Кэтрин, конечно, говорила другое, но он-то знал, что она отчаянно врет. Маркус шел на ощупь, лишь по привычке понимая, где он. Все дома растворилось в тумане, повороты и разметка скрылись под белым полотном.

Маркус вдруг понял, что забрел не туда. Дом, который казался соседним, оказался совсем не тем домом, а Маркус очутился не в том дворе. Выйдя опять на дорогу, он лишь по рекламным щитам догадался, на какой улице стоит. Этот парень с белоснежной улыбкой, что смотрел на него сверху вниз, предлагая сменить страховку, был в километре от его дома. Маркус вытер лицо рукавом и побрел вдоль дороги. Снег, уже перешедший в дождь, и не думал стихать.

* * *

Таймер разразился пронзительным писком – и тут в дверь наконец постучали. Кэтрин пошла открывать.

«Маркус опять потерял ключи, – думала она, подгоняя себя, – или оставил их на работе...» Замедлив шаг, потянулась к замку.

За дверью молчали. Маркус никогда не молчал, он сразу кричал через дверь: «Да, я опять их забыл». Но Кэтрин вспомнит об этом секундами позже. Замок прокрутился на

два оборота, дверь распахнулась от промозглого ветра, ледяной холод обдал ее с головы до ног. Кейт огляделась по сторонам, вышла на улицу. Никого. Только колючий снег обжигал кожу. Она прищурилась, пытаясь взглянуть в холодную пустошь туманного перекрестка – ни души. Вернулась в дом и закрыла дверь.

Звук чьих-то шагов. Обернулась. Удар.

Нестерпимая боль охватила голову, нервным током разнеслась по ослабшему телу. Кэтрин чувствовала, как задрожали ноги, как онемели и бездвижно повисли руки, как странно скривился рот.

По виску стекало что-то теплое. Она медленно осела на пол; дом поплыл, как и стены, как и все перед ней. Темные ботинки подошли ближе, темные перчатки закрыли ей глаза. Темнота.

* * *

Мимо Маркуса шли безликие силуэты спешащих куда-то людей. Они шли странно быстро, то и дело обгоняя его и друг друга. Или это он слишком устал... За поворотом уже виднелась темно-красная черепица его типового дома – он один был с такой черепицей, все другие – стандартно серые. Зато выделялась она издалека, и чем ближе подходил Маркус, тем четче виднелась крыша и даже часть трубы. Снегопад уже подутых – лишь туман не спешил растворяться, так

и держался над городом, хороня его под собой. Маркус прибавил шаг. Что-то сдавило в груди. Как далеко он оставил машину... завтра бы встать на полчаса раньше, чтобы успеть дойти до нее. Кто-то задел его локтем.

– Извините, – сказал этот кто-то.

– Ничего, – ответил Хейз.

От человека пахло ванилью и печеными яблоками. У Маркуса заныло в животе.

2 глава

Маркус уже подходил к крыльцу дома, когда понял, что дверь открыта. Она скрипела на сильном ветру, подвывая ему металлическим стоном. Порог был покрыт слоем снега, им уже заносило прихожую.

Непонятная тошнота подступала к горлу, руки пробила непривычная дрожь. Маркус ускорил шаг, но казалось, все так же топтался на месте. Секунды, что летели еще мгновение назад, вдруг превратились во что-то тягучее, не дающее сдвинуться с места.

– Кэтрин! – крикнул Маркус. – Кейт, ты там? Дверь открыта, Кейт!

Он кричал, но голос, сливаясь с ветром, стал с ним единым целым, превратясь в неотчетливый гул.

– Кэтрин!

Хейз вбежал по ступеням на заснеженное крыльцо, распахнул дверь – и замер. Все было в тумане. Или это дым... На потолке пищали пожарные датчики, поливая весь дом водой. Кэтрин лежала на мокром полу.

Маркус кинулся к телу, пытаясь найти исчезнувший пульс. Он его не найдет, он уже это понял. Сколько он повидал смертей за свою долгую жизнь... Кэтрин мертва, ее череп пробит, на полу у виска лужа крови. Его пальцы все еще ищут биение, хоть какие-то признаки пульса. Ничего. Мар-

кус припал к холодным щекам жены, убрал с ее лба мокрые волосы и застонал. Он почти ничего не видел, слезы застилали глаза; в ушах звенело, тупая нарастающая боль давила на затылок. Он слышал только вой гулявшего в доме ветра, что раскрыл настежь дверь. Мертвый холод пробирал до костей.

Духовка не переставала пищать. Маркус оторвался от тела жены и посмотрел на плиту. Этот запах печеных яблок... Он вспомнил его.

«Извините...» – оглушающим эхом разнеслось у него в голове. «Извините», – вырвалось с силой наружу, ударяясь о стены, заполняя пространство.

Маркус встал с колен и попятился в сторону ветра.

– Я сейчас, – шептал он, глядя на жену, – я скоро приду.

И ринулся прочь из дома, оставив Кейт на полу.

* * *

Буря не утихала – напротив, лишь усилила вой; казалось, она издевалась над ним, закрыв собой весь город, превратив дома в силуэты, а людей – в темно-серые тени. Эти призраки плыли навстречу неторопливо и кучно, не давая пройти. Их стало как-то непривычно много, этих прохожих теней. Маркус проносился мимо каждой, врезаясь, принюхиваясь, вглядываясь в лица. Тени оборачивались, и ворчали, и так же брели себе дальше. Кто-то из них спросил: «Вы в порядке?» Кто-то пальцем крутил у виска.

Туман окутывал всю округу, превращаясь в маревый смог. Маркус пробежал два квартала и огляделся вокруг: ничего и никого не было видно, люди тоже исчезли. На улице постепенно темнело – ночь в дни бурь и снежных метелей приходила часа на два раньше. Маркус не мог отдышаться; сердце зашлось, вырываясь из ребер, не давая вздохнуть. Он вдруг вспомнил, что так и оставил жену у порога, всю мокрую, в снегу и крови. Она же замерзнет, подумал он и тут же осекся. Пошатнулся, но с трудом устоял. Дома, только что стоявшие шеренгой, вдруг скользевались и закружились. Хейз расстегнул ворот куртки; жар бил по вискам, ноги заплетались, спотыкаясь одна о другую. Он опять пошатнулся, попытался удержаться за чей-то почтовый ящик, но оступился и рухнул в сугроб. Как же жарко внутри... Как же холодно снаружи...

Сколько Маркус так пролежал, он не помнил; очнулся лишь от дальней сирены пожарных и полицейских машин. Поднял голову – вдалеке виднелись проблесковые маячки, красные и синие. Это, должно быть, к нему...

* * *

Пожарные уже отъезжали от дома, когда Маркус дошел до него. Ноги его, словно скованные, с трудом ступали по уходящей из-под них земле, а он все старался тащить свое полумертвое тело туда, к телу мертвой жены.

Полиция уже была там. Кристофер ходил возле тела Кэтрин. Медэксперт, сложив ватные палочки в небольшой прозрачный пакет, закрыл свой чемоданчик.

– Ну, я пойду, – сказал он, задержав взгляд на Хейзе, и опустил глаза.

Собака ела с руки одного из полицейских.

– Ничего не нашли. Осмотрели весь дом – никаких следов кражи.

– Сработала сигнализация: приехали пожарные, вызвали нас, – слышал Маркус голос Криса. – Мне очень жаль.

Тот хотел приобнять брата, но лишь тихонько похлопал его по плечу.

* * *

В доме пахло печеными яблоками. Дым рассеялся, с потолка перестало лить. Кейт все так же лежала на мокром полу; возле нее ходила сержант Раслин и освещала фотовспышками ее упокоенное лицо. Она посмотрела на Хейза, сжала губы и ничего не сказала – просто продолжала снимать.

– Чертовы пожарные датчики, – сказал Кристофер. – Если здесь и были чьи-то следы, то вода все смыла.

– Если есть отпечатки пальцев, найти их не проблема, – возразила сержант.

– Да, знаю... – Крис посмотрел на брата. – Тебе лучше

присесть.

Маркус не двигался с места.

– Послушай, дружище, лучше присядь. – Кристофер подвинул один из стульев.

Маркус смотрел в пустоту.

– По первому осмотру, – продолжил Крис, – никаких следов сексуального насилия не было.

Он не знал, что еще сказать.

– Можно забирать? – спросила Раслин у Хейза. – Я уже закончила, и эксперты тоже.

Маркус молчал.

– Унесите, – сказал Кристофер двум ожидавшим у двери парням.

Кэтрин положили в черный мешок, погрузили на носилки и унесли.

– Если хочешь, можешь остаться у нас, – сказал Кристофер.

– Нет, мне надо в морг.

– Но там тебе нечего делать...

* * *

Запах больницы и формалина, высокие двери, каталки, бьющиеся об них, люди в больничной униформе, проходящие мимо него, длинные лампы холодного света неустанно трещат, отдаваясь треском в висках...

– Я попросил Раслин как можно быстрее сделать те фото, – сказал Маркус, сидя напротив высокой железной двери.

– Когда она их проявит, я сам тебе их принесу. Что тебе здесь делать? Прошу тебя, езжай к нам домой.

– Никуда я не поеду.

– Что ты хочешь услышать?

– Причину смерти.

– Ты же и так все знаешь. Езжай к нам, пожалуйста, я вызову такси.

– Нет, я к себе, – сказал Маркус. – Я поеду к себе, только утром.

* * *

Солнце уже всходило, когда Маркус вышел из морга; он уже ничего не боялся и не чувствовал ничего. Ни тела, ни ног, ни земли под ногами.

«Причина смерти: черепно-мозговая травма, ишемия мозга, кровоизлияние в мозг. Примите мои соболезнования, мистер Хейз», – шумели в ушах слова медэксперта.

Раньше в моргах пахло спиртом и формалином, но сейчас еще и... Ему казалось, что он сходит с ума, – повсюду мерещился запах ванили. Ему казалось, что он сам пропитался им. Хотя, может, оно и правда... Тот тип тоже так пах.

«Извините», – вспомнил Маркус голос ублюдка. «Извините», – звенело в больной голове.

Хейз подставил лицо снежной буре – и разрыдался в нее.

3 глава

Маркус провел ладонью по запотевшему окну. Белое марево так и стояло над городом, не собираясь никуда уходить. Филиппа уже заканчивала мыть полы и перешла на мебель; она старательно протирала высокие столовые стулья, от спинки до ножек, сверху вниз, сверху вниз. Темноглазая женщина работала уборщицей в их отделе, а также подрабатывала по вечерам. Кристофер попросил ее вымыть полы в доме брата – но, узнав, какое горе случилось у мистера Хейза, Филиппа решила вымыть все, даже мебель, а заодно и поставила суп на плиту, он пах говядиной и лимоном.

Хоть чем, думал Маркус, лишь бы не ванилью.

Кэтрин все еще была в морге, а ему по-прежнему казалось, что он бросил ее. Уснуть у него так и не получилось. Вся постель пропиталась ее запахом, вся спальня – ее духами. Маркус вцепился в измятую простыню – так и встретил рассвет.

Филиппа протирала стол, напевая какой-то мотив.

– Нужно больше есть, мистер Хейз, – причитала она.

– Нужно, – повторил Маркус.

Он никак не мог забыть того ублюдка. Уже тысячу раз прокрутил в голове тот момент. Мужик был среднего роста и весь в темном.

«Извините», – крутилось в измученной памяти Хейза.

«Извините», – скрипело по нервам.

Ожидаются снежные бури. Просим водителей воздержаться от дальних поездок.

Радио ожило и тут же заглохло, испуская предсмертный хрип.

Маркус покрутил ручку приемника. Обрывки джаза смеялись попсой, новости прерывались на полуслове и опять уходили в скрипучую пустоту. Он выдернул шнур. Холодное и белое смотрело на него через сумрак затянутого неба. Облепленное снегом до середины окно опять покрылось испариной. У Маркуса все сильнее болело в висках. Он включил кран и подставил под струю пульсирующую голову; вода стекала от темени по волосам, спускаясь по шее и уставшей спине. Боль и не думала отступать; она, как вой самолета, нарастала с каждой секундой все сильнее и жестче, отдаваясь гулом в ушах. Он зажмурился и выключил кран. Филиппа напевала все тот же мотив, на кастрюле дребезжала стеклянная крышка, выпуская дух лимона и мяты.

Маркус вытер лицо и открыл глаза. За окном в белом тумане стоял мужской силуэт. Его заносило снегом, скрывало под метелистым ветром, но это был он – тот человек. Он стоял посреди пустой улицы и смотрел прямо на Хейза. Внутри у того все будто похолодело. Маркус чувствовал, как онемели ноги, как кровь, приливая к темени, обожгла лицо.

Он побежал к двери.

– Куда вы? – только и успела окликнуть Филиппа.

Хейз слетел со ступеней.

– Куртку, куртку наденьте!

Завернул за дом. Снег слепил, ветер перехватывал сбитое дыхание. Хейз перепрыгнул через калитку. Пробежал метров сто, огляделся по сторонам – и перестал дышать. Никого. Вдохнул в себя обжигающий холод. Только тишина и вой монотонного ветра. Маркус оглядывался по сторонам, кружась и кружась на месте, не в силах понять, куда же делся этот тип. Только белизна мерцала перед ним, ветер обдувал мокрую голову, хлопья снега облепили лицо, тонкими льдинками опутав ресницы. Пальцы его покраснелись и замерзли до боли, он еле дышал.

– Маркус, – услышал он голос откуда-то издали. Или ему показалось... – Маркус! – послышалось снова.

Хейз обернулся.

«Раслин», – понял он.

Она бежала навстречу, моргая и жмурясь от ветра, вытирая покрасневшее от холода лицо и крича через бурю:

– Господи, ты же почти раздет!

Маркус посмотрел на себя. Он и правда выбежал в чем был.

Раслин приближалась. Вот она совсем уже рядом, обнимает его, охватывая теплом, трогает холодную голову, ругает за что-то... Хейз слышал ее неотчетливо, он смотрел лишь

на белый конверт, что был у нее в руках.

– Это фотографии Кэтрин? – спросил он.

– Почему ты мокрый? – Она трогала его волосы. – Хочешь заболеть?

Ему было все равно.

– Это те фотографии? – Хейз потянулся к ней.

– Нет. – Сержант убрала конверт во внутренний карман куртки. – Сначала ты вернешься в дом. Да и снег, – она посмотрела на небо, – испортит снимки. – Еще раз погладила его по волосам. – Почему тебя оставили одного? – Она будто задыхалась. – Ты замерз, посмотри на себя...

Пальцы его, красные от холода, будто кто-то колот сотнями мелких иголок. Маркус сжал кулаки.

– Почему с тобой никого нет? – Голос Раслин задрожал.

Он молчал. И почти ничего не слышал, пока шел до своего дома. Раслин бежала за ним.

– Со мной Филиппа, – наконец сказал Хейз, заходя за порог.

– Кто?.. А, это вы, – узнала она уборщицу из отдела.

– В такой холод и без одежды, – сокрушалась женщина.

– Вы можете идти, – сказала Раслин.

Филиппа молча посмотрела на Хейза, положила на стол мокрую тряпку, взяла свою сумку, поклонилась и пошла к двери.

– Это уму непостижимо, – продолжала Раслин, когда уборщица скрылась за дверью. – Что ты делал на улице?

– Я видел его.

– Кого? – Раслин отшатнулась.

– Убийцу.

– Ты знаешь убийцу?.. Подожди, а почему в управлении никто не в курсе?

– Я не знаю, кто он. – Маркус подошел к Раслин, распахнул ее пуховик и залез во внутренний карман. – Ты не против? – Достал фото.

– Что значит «я видел его»?

– Я знаю, что это он. Столкнулся с ним за пять минут до того, как обнаружил Кэтрин.

– Но с чего ты взял?

– Это он.

Маркус открыл конверт. Все заволочло тишиной; он уже не слышал ни Раслин, ни каких-то иных звуков.

Снимки... На полу их дома, вон в том самом проходе, лежала его Кэтрин с пробитой головой. Одна рука на полу, другая схватила цепочку на шее. Волосы в крови, глаза закрыты. Маркус будто снова оказался в том дне...

– Перестань. – Раслин взяла фотографии и положила их на стол. – Зачем тебе смотреть на них?

Она сжала руками его щеки, потом сняла с себя шарф и стала вытирать им его мокрую голову.

– Результаты полной экспертизы готовы? – спросил Хейз.

– Еще только полдесятого утра. Лаборатория – не я, Маркус, она не будет работать всю ночь. – Раслин поцеловала его

в лоб, но тут же отодвинулась.

– Мне нужно позвонить Крису. – Отстранив ее, Маркус пошел к телефону. – Спасибо за фото, ты мне очень помогла, – сказал он, набирая номер.

Раслин кивнула.

– Алло, Крис! – Гудки в телефоне прервались характерным шорохом. – Крис, ты слышишь меня, алло! – В телефоне хрипел голос брата. – Да, это я. Что? Нет, не ищи ее, Раслин у меня. Она принесла фото.

Маркус посмотрел на Раслин, но та уже скрылась.

– Она уже ушла... принесла фото и ушла, да. Слушай, Крис, мне нужно, чтобы ты приехал. Нет, не надо подсылать ко мне свою жену. Мне нужно, чтобы ты приехал сейчас. Я видел убийцу.

Трубка на том конце ударилась о телефон и протяжно загудела.

4 глава

– Что значит ты видел убийцу? – Кристофер влетел к брату, затянув с собой уличный холод.

– Закрой дверь. – Маркус раскладывал на столе фотографии Кэтрин, осторожно поправляя каждую из них.

– Этим делом занимается Итан, – еле слышно произнес Крис.

Маркус оторвался от стола с фотографиями и посмотрел на брата.

– Не понял...

– Этим делом занимается Итан Эванс.

– Почему он? – У Маркуса свело пальцы, они покрылись мелкой дрожью; дрожь перешла на руки и выше, искривив и без того болезненную мимику. В минуты стресса что-то происходило с его лицом – рот всегда изображал непотребную случаю улыбку. Этой страшной улыбки Крис всегда боялся. Она говорила лишь об одном – брат не контролировал свое тело. Для полицейского это начало конца. – Почему Эванс? Он в отделе убийств всего два года!

– Перестань, он опытный...

– Мне лучше знать!

Маркус ударил по столу. Фотографии с убитой Кэтрин подпрыгнули и сдвинулись с места. Он посмотрел на них и, будто извиняясь, стал раскладывать карточки, как они лежа-

ли.

– Вот так, – шептал он, сдвигая уголок к уголку.

– Ты и правда думал, что это дело могут отдать тебе? – как можно аккуратнее уточнил Кристофер. – Капитан посоветовал тебе взять отпуск. Точнее, как посоветовал – настоял.

Маркус посмотрел на брата, потом опять на разложенные в ряд фото и стал менять их местами.

Кристофер, поморщившись, отвернулся. Еще неделю назад они встречались в ресторане – взяли столик на четверых. Кэтрин, как всегда, смеялась над его шутками, а Маркус ворчал, что ни черта не смешно... Сейчас от нее остались лишь эти карточки, и как бы он ни хотел запомнить ее живой, у него это плохо получалась.

– Ты сказал, что видел убийцу, – вспомнил Кристофер, зачем пришел, не понимая, правда, почему Маркус не бьет тревогу.

– Да, вон там, за окном, – совершенно спокойно сказал тот. – Этот тип стоял посреди улицы и смотрел на меня. Я не рассмотрел его лицо из-за снега, но знаю, что это он.

– Этот тип – в смысле убийца?

– Да...

Этого Крис боялся больше всего. Посттравматический бред. Такое случается, и это надо лечить; но даже трудно представить себе, чтобы брат его пошел к психологу.

– Стоял и смотрел? – переспросил он.

– Да, я узнал его. Подонок налетел на меня метров за две-

сти от дома. От него пахло ванилью и печеными яблоками, от него пахло моей женой.

– Тебе надо отдохнуть. – Крис подошел к брату, взял его за плечи и попытался обнять.

– Нет, послушай меня!..

– Я слушаю.

– Он вышел на меня из метели. Я почти ничего не видел – ни лица, ни особых примет, только черный силуэт в снегу, он был весь усыпан снегом. Он задел меня и извинился, от него пахло ванилью и яблоками.

– Я понял, понял...

– Как и в доме, как и в тот день. А сегодня он стоял за окном.

– Почему же ты не побежал за ним?

– Я пытался, Раслин подтвердит; я выбежал, но...

– И она его видела? – удивился Кристофер.

– Кто? Раслин? Нет, она подошла уже потом, когда я потерял его из виду.

Кристофер окинул брата сочувственным взглядом.

– Ты выходил на улицу вот так? В такой холод?

– Это не важно, – шептал Маркус; взгляд его был ошалелым, руки тряслись. – Это не имеет никакого значения – главное, что он следил за мной. Он никуда не уехал, он до сих пор в городе...

Маркус замолчал, почти задохнувшись от подступающей ярости, в висках его опять застучало. И Крис не знал, что ему

сказать. Будь это не его брат, а кто-то другой, он и дальше вытаскивал бы из него эти бредовые мысли, как и советуют психологи, докопался бы до истины, говорил бы с ним на одном языке... Но поддерживать паранойю Маркуса он не хотел, только не он. Только не его брат.

Тишину разрядил телефонный звонок. В кармане Кристофера разрывался мобильник.

– Да, я слушаю, – ответил он, не сводя глаз с брата. – Нет, я не в отделе...

Маркус смотрел на разложенные фото. Кэтрин на них была такая красивая – волосы вьющиеся, руки тонкие... Она будто спала на полу, если б не кровь. Маркус взял одно фото, там, где Кэтрин была в полный рост, – Раслин пришлось встать на стул, чтобы сфотографировать ее сверху. Что-то странное почудилось ему, словно это фото на миг исчезло и в руках его оказалось другое такое же, точно такое же, но не оно... Не может такого быть... Маркус потер глаза. Он будто где-то его уже видел, это самое фото, будто когда-то Кэтрин уже лежала вот так... Вот только когда?

– Скоро буду, – Кристофер завершил разговор. – Звонили из отдела. Повреждения в височной области у Кэтрин... – Он на секунду замолчал, вобрав в себя с трудом воздух – в этом доме все было тяжелым, и воздух словно пропитался свинцом.

– Что? Говори!

– Рана Кэтрин имеет характерный след, – выдохнул Кри-

стофер. – Такой же, какой был у Сильвии Бейтс.

Маркус отшатнулся от стола. В глазах его потемнело, ноги задрожали, зубы скрипнули друг о друга. Он сжал кулаки.

– Ты в порядке? – спросил его Крис, не зная, что еще можно спросить.

Маркус молчал. Перед ним проносилось прошлое. Это дело вел он. Тогда он так и не поймал убийцу. Дело закрыли за недостатком улик.

– Перестань, – сказал Кристофер, – «висяки» есть у каждого. Поймать всех невозможно, тем более с нашей системой. У меня вон два нераскрытых убийства и один грабеж, лет пять уже висят...

Хейз всмотрелся в фото жены. Вдруг Кэтрин на нем исчезла, будто растворяясь в черноте негатива, и появилась Сильвия Бейтс. Хейз зажмурился и потер виски; все качалось и плыло перед глазами, и этот стол тоже... и фотографии на нем перемещались с места на место, тесня одна другую. Он выдохнул и вдохнул, посмотрел на люстру, на привычные стены, на Крису, что уже ровно стоял, и опять на фото. Сильвия на них вновь стала Кэтрин.

– Ладно, поехали в отдел. – Кристофер похлопал брата по спине, затем накинул ему куртку на плечи, повязал вокруг шеи огромный шарф и взял под руку.

Маркус поплелся к двери, положив фото Кэтрин в карман.

– Так ты говоришь, у тебя была Раслин? – спросил Кристофер, когда они уже сели в машину.

– Да, она принесла фотографии.

– А просто отдать их мне она не могла? – Он повернул ключ – старый «Рено» заворчал и запустился. – Я и сам мог их занести.

– Какое это имеет значение?

– Да, ты прав, никакого...

Кристофер замолчал и включил «дворники». Маркус смотрел в снежную мглу. Когда убили Сильвию Бейтс, он первый приехал на вызов. Его «дворники» также работали без устали, преодолевая непреодолимую стену дождя – тот хлестал напрапалую, закрывая улицы и дома. Весь мир казался невидимым, и Маркус пробирался на ощупь, ориентируясь лишь на огни светофоров. Машин перед ним тогда не было – впрочем, как и сейчас. Народ в их городке осторожный, и осторожность эта, по мнению Хейза, граничила с трусостью. Как бы то ни было, никто в такую погоду из дома не выезжал.

Миссис Бейтс лежала на заднем дворе своего двухэтажного дома, вся в опавших листьях и грязи; рана в височной области была уже промыта дождем, проявив непонятный рисунок. Позже они выяснили, чем он был.

Убийцу искали два месяца, ни одна из экспертиз не дала результата. Ни подсказки, ничего. Следов сопротивления, как и сексуального насилия, также не было, вообще никаких следов.

Преступника никто не видел. Ни один из опрошенных соседей. Можно было подумать, что они лгут, – но не в тот день: тогда из-за ливня не видно было ничего. Впрочем, как и сейчас... Лишь вдалеке виднелись силуэты домов, очертания крыш, укрытые снегом заборы. Почтовые ящики скрипели дверцами на сильном ветру. Все бежало перед глазами, весь город, все улицы и переулки, все большие и небольшие дома. Маркус уткнулся лицом в стекло. Запотевшее, холодное, оно отрезвляло его, приводило в чувство – но совсем ненадолго. Хейз закрыл глаза. Он опять видел Кэтрин в цветочном платье, как она провожала его, как просила заехать в пекарню за багетом и пачкой масла, а он опять ничего не купил, он забыл, как всегда... Маркус смотрел в бесконечное белое: оно то сжималось, то рассеивалось вдали, проявляя, как на фотопленке, доселе скрытую жизнь: плакаты громоздких реклам, столбы, фонари, качели, вывески магазинов, а на крыльце одного из них...

– Тормози!

Человек в пальто выходил из двери бакалеи.

– Стой!

Крис надавил на педаль.

– Что такое?

– Это он!

– Кто?

Маркус выскочил из машины и побежал.

До магазина было метров триста. Силуэт в черном пальто уходил быстрым шагом за угол другого дома. Маркус поскользнулся на повороте и чуть не упал; снег впивался в лицо, ветер наступал порывами, возвращая Хейза назад. Вот уже и сам магазин, и крыльцо, и тот дом, за который завернул этот тип, и объездная дорога рядом. Маркус смотрел на дорогу – там, посреди нее, в свете фонарей и приближавшихся фар стояла Кэтрин. Хейз не двигался с места. Это была она, точно она, в зеленом платье и вязаной кофте до самых колен – она так много вязала, как много у нее было этих кофт...

– Кэтрин! – крикнул было он, но слезы, подступившие к горлу, намертво сковали его голос.

– Маркус! – Подбежавший Кристофер встряхнул его за плечи: – Маркус, очнись!

– Это она...

– Кто? – Брат оглядывался по сторонам.

– Моя Кэтрин...

– Марк, посмотри на меня. – Крис обхватил его голову. – Посмотри на меня, хорошо? Она мертва, Кэтрин больше нет!

Маркус огляделся, пытаясь отыскать ее снова, но ничего не увидел. Ничего, кроме зыбучего снега, дороги и надвигающихся фар.

5 глава

Свет едва проникал в закутки подвальной комнаты и тут же растворялся в ней. И без того небольшие окна закрывали кусты репейника; дождь шумел по крыше беспорядочным постукиванием, отдаваясь глухим эхом под землей. Дверь наверху заскрипела и резко захлопнулась; щелчок выключателя, треск издыхающей лампочки, тяжелое дыхание, кашель, хрип... Шаги медленно спускались по лестнице. Темный силуэт, выйдя из тени, оказался мужским. Человек прошел в глубь подвала, снял перчатки и бросил их на письменный стол. Завалившись в старое кресло, трещавшее по швам, расстегнул верхнюю пуговицу тугого ворота серой рубашки, достал платок из кармана брюк и протер вспотевшее лицо. Даже дождь не смог смыть впитавшийся в кожу едко-соленый пот. По вискам стекали огромные капли; он провел ладонью по волосам и стряхнул остатки воды. Осень была на редкость дождливой и привычно туманной, значит, зима будет снежной – а снег, да еще и с туманом, был бы как раз очень кстати. Очень хорошо, если будет так, подумал запыхавшийся человек. Лампочка болталась над подвальной лестницей, не освещая и половины пространства. Мужчина порылся в кармане пальто и достал измокшие спички. Чертова погода, выругался он и открыл коробок. Чиркал то одной, то другой; все они соскальзывали и ломались. Наконец

в его руке оказалась одна почти сухая. Он резко провел ею о стену; спичка вспыхнула и загорелась, осветив скромную обстановку перед ним.

На доске, приставленной к кирпичной стене, фотографии девочек и женщин. Он водил близ них горячей спичкой, освещая каждое лицо. Девочка лет шести, девочка лет двенадцати, ниже – фото женщины, все они улыбались. Все, кроме той, что висела в самом низу, – улыбка на ней искривилась в предсмертной гримасе. Он помнил эту гримасу как сейчас, он помнил этот день и этот запах осенней погоды, гнилые листья, скользкую слякоть, и он по этой слякоти бежал. Спичка погасла, дойдя до пальцев, но он все видел и без нее: все эти лица на магнитной доске стояли перед его глазами даже в крошечной тьме. Он потянулся к ним, хотел взять одно из фото, но тут же отдернул руку и посмотрел вверх. Кто-то ходил по дому суетно и торопливо.

Спотыкаясь о подвальную утварь и старую мебель, мужчина пробрался к ступеням и поднялся наверх. Давно пора навести здесь порядок; давно он так думал, последние несколько лет...

Поднялся на первый этаж. Возле тумбы со стационарным телефоном, листая справочник, стояла его жена. Она протяжно всхлипывала, то и дело вытирая нос руками, но из него все текло и текло.

– Что такое, Марта? – спросил он.

Она обернулась, но даже не взглянула на мужа – так, про-

скользнула еле заметно изнеможенным взглядом – и опять уткнулась в пожелтевшие от времени, смятые на уголках старые листы. Вдруг руки ее задрожали, как и подбородок, как и вся она; телефонная книга выпала и распласталась страницами вниз на истертом от времени паркетном полу.

– Что случилось? – Он подошел к ней.

– Она потерялась, Грег... – сказала Марта, поднимая желтую книгу.

– Опять?

– Я не могу нигде ее найти!

– Успокойся...

– Наша дочь неизвестно где, а ты говоришь – успокойся?

– Я лишь хочу, чтобы ты не поднимала панику. Она же не в первый раз уходит, не так ли? – Он взял жену за плечи. – Ты же сама говорила, такой сейчас возраст, ты сама говорила мне, дорогая...

Он смотрел на жену в надежде отыскать в ее лице и взгляде хоть каплю здравого смысла, но все было тщетно. Истерика, охватившая ее, не давала ей и шанса подумать.

– Но я не знаю, что делать, Грег! Я же мать! Я не могу сидеть и ждать сложа руки, когда моя дочь неизвестно где!

– Ты ездила в школу? – спросил он ее, зная, что ездила.

– Да, – Марта судорожно кивала. – Она была в школе и должна была идти на танцы, я поехала ее встречать, но ее там не оказалось, все девочки вышли; правда, я сомневаюсь, что это был ее класс, но все же я подождала, пока выйдут все

классы, дождалась звонка, а ее так и не было...

– Может, занятия отменили и она пошла прогуляться?

– Прогуляться? Одна? Нет, она всегда меня ждет.

– Она уже давно не ребенок, милая. – Грег поймал настоя-
роженный взгляд жены. – В таком возрасте все они стыдятся
родителей, мы им мешаем.

– О чем ты говоришь! Я же не преследую ее.

– А по-моему, преследуешь.

– Я просто оберегаю ее, я просто хочу, чтобы она вовремя
приходила домой!

– Вот увидишь, она вернется. – Он прошел на кухню. –
Наверное, опять пошла к своей подружке, как ее там... Ма-
ри, Лилибет?

– Эбигейл, – всхлипывала жена, – ты даже имен ее друзей
не помнишь... – Она покосилась на него исподлобья.

– А зачем мне их помнить? – Грег налил ей воды. – Они
меняются каждый месяц. Сегодня она дружит с одной, – он
поднес ей стакан, – завтра с другой, перессорятся все, а по-
том по новой... Попей, дорогая, попей.

– Не буду я ничего пить! – Она ударила по руке мужа,
стакан отлетел к стене и разбился, оставив лишь мокрый след
на паркете и россыпь прозрачных осколков.

– У тебя опять истерика, – сказал Грег совершенно спо-
койно и, взяв небольшой веник, начал все подметать – так
медленно и спокойно, словно и не случилось сейчас ничего.

– Лучше быть истеричной, – заходила она нарастающим

плачем, – чем такой бездушной, как ты!

– Ты не права, дорогая. – Грег высыпал осколки в ведро. – Надо пройтись пылесосом, – он оглядывал пол, – может, где что осталось...

– Если ты сейчас же не сядешь в машину и не объедешь каждый дом этого города, – закричала Марта, – я позвоню в полицию и буду ездить с ними сама! Ты знаешь, какое сейчас время, ты знаешь, какая преступность?

– Тебе нужно меньше смотреть телевизор. – Он продолжал подметать.

– Так ты едешь со мной или нет?!

– Накинь кофту, там холодно, – сказал Грег и взял со стола ключи от авто.

Марта уже вышла из дома, когда он, замешкавшись у двери, услышал телефонный звонок. Недолго постоял у дребезжащей трубки, потом медленно снял ее и поднес к уху.

– Алло, мистер Бернар? – послышалось нечетко на том конце.

– Да, это я. – У него перехватило дыхание.

– Это Кристофер.

– Кто?

– Кристофер Хейз.

– Ах, да-да, – выдохнул он, – очень рад вас слышать.

– Вы звонили мне неделю назад по поводу вашей дальней родственницы...

– Да-да, звонил.

– У меня хорошие новости. У нас нашлось место уборщицы. Я понимаю, зарплата небольшая...

– Нет-нет, что вы, этого более чем достаточно. Так я передам, чтобы она пришла?

– Конечно-конечно, пусть приходит, устроим ее хоть завтра.

– Спасибо вам.

– Все, что могу, мистер Бернар, все, что могу...

Грег повесил трубку, постоял еще немного у аппарата – и только когда услышал раздирающий звук автомобильного клаксона, вспомнил, что его ждет жена, а он опять не закрыл авто...

Сколько раз они уже объезжали этот квартал. За последние пару месяцев их дочь терялась... он попытался вспомнить... наверное, раз в четвертый.

– У нее переходный возраст, Грег, – все еще плакала Марта, смотря на скрывающиеся за дождем знакомые улицы. – Это что-то невыносимое. Когда-нибудь она просто исчезнет и не вернется домой. Ты знаешь, что сделал бы со мной мой отец, если б я вот так же, бездумно...

Грег молчал.

– Он бы выпорол меня, да, – она всхлипывала, – сейчас так не принято, сейчас нужно разговаривать с детьми, но как можно с ними говорить, если они тебя не слышат?

Грег следил за дорогой.

– Вот! – вскрикнула Марта, тыча дрожащим пальцем в ло-

бовое стекло. – Заедем к Тейлорам, может, она зашла к ним, она же дружит с их девочкой, ты помнишь?

– Тейлоры переехали, дорогая.

– Ах, я и забыла... а куда?

– Куда-то к югу, ближе к морю. – Грегори указал на следующий дом. – Давай заедем туда...

– Конноры? – удивилась она, наморщив лоб.

– Угу...

– У них этот Джеффри, такой противный... Чего бы наша дочь у них забыла?

– Ну, мало ли, – Грег завернул к дому, – этих подростков не поймешь.

– Ты что-то знаешь? – Марта посмотрела на мужа.

– Знаю что?

– Они что, встречаются? – Она вылупила на него свои уставшие глаза. – Моя дочь и этот Джеффри Коннор?

– А чем он плох?

– Вот уж не надо, – протянула Марта. – Я все могу понять, но этот пацан, кем он станет? Чистильщиком кондиционеров?

– Чем тебе кондиционеры-то не угодили? – Он завернул к гаражу мистера Коннора, где почти всегда было свободно. Тот не ездил уже десять лет.

– Наша девочка достойна лучшего, а не этого обалдуя. – Марта захлопнула дверь.

Грег звонил в заунывный звонок.

– И с чего ты решил, что она может быть здесь? – ворчала Марта. – Вместо того чтобы объехать всех ее подруг, мы стоим тут и тратим драгоценное...

– Привет, Грег, – дверь открыл невысокий мужчина с большим пивным животом. – Марта, приятно видеть, – кивнул он ей.

– И мне, – криво улыбнулась она, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь.

– Чем обязан... ой, – он выпустил хмельную отрыжку, – простите.

Марта поморщилась, но промолчала.

– Наша дочь не у вас? – спросил Грегори.

– У нас... – Кивнув, мистер Коннор снова рыгнул. – Была у нас еще десять минут назад, Джеффри пошел ее провожать.

– О господи, – Марта всплеснула руками, – я думала, что-то случилось...

Она как-то вся обмякла и облокотилась на мужа. Тот едва успел ее удержать.

– Да все как всегда, – сказал мистер Коннор и посмотрел на Грега. – Она раз в четвертый уже сбегает, да? В прошлом месяце пару раз, на прошлой неделе, – теперь он смотрел на Марту, – и вот сейчас...

– Да... – Грег потупился.

– Подростки, что с них взять, – сосед заулыбался, – сами такими были.

– Я никогда не была, – возмутилась Марта.

– Охотно верю. – Мистер Коннор снова посмотрел на нее. – Может, зайдете?

– Нет-нет, мы домой, – сказал Грег и повел жену к машине.

На обратном пути то ли от перенесенного стресса, то ли от свалившейся за день усталости Марта заснула, припав к боковому стеклу, а проснулась уже дома в постели.

6 глава

– В конце концов, совсем необязательно, что это тот же самый убийца.

– Но ты же понимаешь, что все признаки...

– А всех с ножевыми давай запишем на одного преступника.

– Не каждый день убивают женщин отбивным молотком...

В отходящем от сна мозге Маркуса еще долго спорили вчерашние голоса. Это были Крис и Итан. Они стояли за приоткрытой дверью стеклянного кабинета Итана и говорили тактичным шепотом, чтобы, не дай бог, он их не услышал. Этот шепот был громче крика, и Маркус слышал все. Ему казалось, он даже видел их лица за этой стеклянной коробкой, прикрытой желтоватыми жалюзи.

* * *

Итан закурил и причмокнул.

– Я понимаю, что убили Кейси, такая трагедия...

– Ее звали Кэтрин!

Этот болван оказался тем еще кретином.

– Верно-верно, Кэтрин, но разве это дело поручили вам? – звучал все тот же противный голос.

– Дело Сильвии вел Маркус.

– И что это меняет? Он же, по-моему, не раскрыл его, или я что-то путаю?

Кристофер молчал.

– Кстати, – Итан причмокнул еще раз, – его разве не отправили в отпуск?

– Да пошел ты к черту!

– Сейчас я сделаю вид, что ничего не слышал, и только из-за сочувствия к Маркусу.

– Иди ты со своим сочувствием...

* * *

Маркус открыл глаза. Все тот же свет заливал комнату, морозный и ясный, – он забыл зашторить окно. Так и уснул вчера посреди дня, хотя все дни были похожи на вечер. Только сейчас прояснилось. Чертово солнце осветило полкомнаты, пришлось по полу, по низу кровати, по ее остывшему следу...

Крис сказал, что пойдет к начальству и попросит, чтобы это дело поручили ему.

Маркус сел на кровать.

К черту начальство. К черту этого Итана. Он все сделает сам.

Уже начинало смеркаться, когда гроб опускали в землю. Все это время Маркус пытался не смотреть на жену, он не смотрел на нее, даже когда прощался, – так и склонился возле гроба, не глядя. Лишь отряхнул с ее пальцев мокрый растаявший снег.

Делали все очень быстро.

Маркус не чувствовал боли, он не чувствовал почти ничего. Одна пустота, бесконечная, темная, вязкая. Она поглощала его, засасывала своей зыбучестью. За его спиной плакала Аннет. Кристофер пытался поддерживать брата, ухватив его за руку, но, кажется, держался за него сам.

– Как это несправедливо, – повторяла Аннет, – этого не должно было случиться, не должно...

Кристофер покосился на жену. Она лишь всхлипнула, сжала дрожащие губы и проглотила плач.

Да, Аннет права, этого не должно было случиться. Если б он работал лучше, если б поймал мерзавца тогда, два года назад, Кэтрин была бы жива...

Земля закрывала лакированную крышку покатога гроба – каждый из присутствующих бросил свою горсть земли. Кто-то произнес краткую речь о том, как рано и несправедливо, о том, как будет не хватать и что на все воля божья, а потом все замолчали. Все молчали и смотрели на Маркуса. Он тоже на

всех смотрел. Они ждали от него чего-то... ах да, ему нужно было что-то сказать, еще тогда, когда гроб был открыт, и сейчас хоть пару слов...

Он молчал.

– Давай я, – сказал Кристофер.

Маркус отошел за него, потом за Аннет, потом за еще одного человека и еще, он уже стоял за толпой. Кем была эта толпа, он не знал, никого из них не помнил. Ему казалось, он путает лица; все они скакали перед ним, перемещаясь с одного на другое, а потом слились воедино, в одно большое траурное пятно. Толпа сочувствующих незнакомцев и дальних родственников, все они завывали и вздыхали, всхлипывали похоронным шепотом, скрипучим гулом, убивающей жалостью. Маркус отделился от них. Через несколько могил от него проходили еще одни похороны, людей там было в два раза больше. Они тоже говорили и рыдали и... смотрели на него всей толпой. Или ему показалось... У Маркуса затрепало в висках. С чего бы им на него смотреть? Но нет, один из них точно не сводил с него глаз. Человек был в затемненных очках; шарф перекрывал половину лица, ворот пальто поднят на затылок. Человек смотрел на него.

Маркус попытался обойти своих – точнее, тех чужих, что сегодня притворялись своими.

– И тогда Бог сказал... – слышался голос священника.

– Извините, – сказал Маркус, обходя одного за другим, – извините, можно пройти... Прошу прощения...

Он пытался не упустить его из виду, того, в очках, из соседней толпы.

– Ты куда? – Маркуса взяли за руку. Это была Раслин.

– Там убийца, – прошептал он ей на ухо.

– Что? – не поняла она, оглядываясь по сторонам.

– Убийца моей жены.

– Маркус, не надо. – Она хотела удержать его, потянула за руку, но Хейз ускорил шаг.

– Маркус! – Раслин уже кричала полушепотом, кто-то в толпе оглянулся и цыкнул на нее. Она закусила губу.

Маркус проходил через толпу.

Те, со вторых похорон, уже расходились, устремив взгляды под ноги. Этот тип тоже уходил. Маркусу казалось, что он вот-вот потеряет того из виду; пальто с поднятым воротом то сливалось с толпой, то вновь появлялось. В глазах у Хейза рябило. Он вспомнил тот день, снегопад и убийцу в двухстах метрах от дома. «Извините», – раздалось в голове. «Извините», – било по памяти. Если б он не оставил машину, если б не пошел пешком, он застал бы его, он не потерял бы...

Маркус очнулся и потер глаза, всмотрелся в толпу. Это был точно он. Но где он? Хейз судорожно всматривался в каждого – и не находил его. Один, второй... Вон он! Его ботинки, брюки, спина, его пальто, такое же черное, вот он ускоряет шаг, опережает кого-то... Маркус рванул за ним.

– Маркус, – донесся до него голос брата.

Но ему было все равно; он уже бежал, огибая надгробия.

Нырнул в толпу, толкаясь в спины; вот он, этот с шарфом и поднятым воротом, вот он... Хейз оттолкнул какую-то женщину в красной шляпе, потянулся к нему, дернул за шарф. Человек обернулся. Маркус ударил его по лицу. Толпа ахнула; где-то там кричал Кристофер, за ним бежала Раслин...

– Что вы делаете?! – вопила женщина.

Очки с мужчины отлетели в сторону, как и трость, которую Хейз не заметил. На него смотрели безжизненные забеленные глаза.

– Что вы делаете, он инвалид! – вопила толпа.

Слепой засуетился, ища выпавшую трость, беспомощно вода руками по земле.

– Что ты творишь?! – подоспел Кристофер.

Толпа гудела и вздыхала, кто-то рыдал.

Раслин нашла под ногами вопивших выроненную трость и передала слепому господину.

– Он только что похоронил отца! – кричала женщина, рыдая.

– Простите нас, – извинялся Кристофер, с силой выталкивая брата из толпы, – простите...

Там еще долго гудели, еще долго провожали их презрительными взглядами. Маркус не мог отдышаться, не мог вдохнуть этот застояло-тяжелый воздух, пропитанный могильной духотой, не мог прийти в себя.

7 глава

– Да что с тобой? – Кристофер посадил брата в машину. – Я все понимаю, правда, я многое могу понять... Мне очень жаль, Маркус, – он никак не мог попасть ключом в замок зажигания, – но чтобы бросаться на людей, да еще и на похоронах...

Маркус молчал.

Кристофер повернул ключ и стряхнул снег с лобового стекла. Люди неспешно выходили из кладбищенских ворот, похлопывая друг друга по плечам, рассаживаясь по машинам.

– Я отвезу тебя домой и переночую у тебя, если уж ты так не хочешь к нам, – сказал Крис, повернувшись к брату. – Я все же настаиваю, чтобы ты переселился из этого дома. Это же мазохизм. – Он выехал на дорогу. – Если б я был на твоём месте...

– Ты не на моем месте.

– Пусть так, не на твоём, но я не знаю, не знаю, что мне нужно сделать. Скажи мне, и я сделаю.

Маркус молчал.

– Я поговорил с Николасом, – продолжал Кристофер.

– С кем?

– С нашим штатным психологом. Он и его команда работают с родственниками жертв...

– Мне не нужен психолог.

– Но ты же опять его видел...

– Я думал, это он, понятно? Я обознался, – еле выдавил из себя Маркус.

Кристофер не хотел переспрашивать про тот, первый случай – может, Маркус уже забыл, как выбежал из дома почти раздетый в поисках маячившего перед его домом убийцы? Мания преследования – начальный признак... Кристофер даже думать об этом не хотел.

– Сейчас мы приедем домой, – как можно мягче сказал он, – ты примешь душ и...

– Поворачивай.

– Что?

– Мы едем на Грин-стрит, разворачивайся.

– Это же другой конец города, что ты там забыл? – Кристофер посмотрел на брата. – Ну нет, я туда не поеду! У нас нет никаких доказательств, пока ничего нет.

– Разворачивай, говорю!

Маркус крутанул руль; глыба снега, скопившаяся на крыше, рухнула на стекло. Кристофер нажал на тормоза.

– Да чтоб тебя... Маркус!

– А теперь послушай меня. – Маркус смотрел на брата, не моргая и почти не дыша. – Мы поедем на Грин-стрит и заглянем в один дом, всего в один дом, хорошо?

– У тебя нет разрешения...

– Мне оно не нужно, езжай.

– Что мы ему скажем?

– Езжай, говорю.

– Я останусь в машине. Сам к нему пойдешь.

* * *

Дом четы Бейтс стоял на окраине города в небольшом поселке. Там было несколько домов, неравномерно отдаленных друг от друга. Они стояли как беспризорные сироты, никого не привлекая к себе – ни торговцев никому не нужной техникой, ни проповедников с религиозными книжками. Здесь вообще мало кто жил. Последний раз, когда Маркус был здесь, на этой улице проживали лишь несколько семей. Под подозрение тогда попали сам мистер Бейтс и сын Мэри Ли Паркер, дом которой стоял в трех километрах от этого.

Парнишка был наркоманом, и все подозрения пали бы на него, если бы в ночь убийства Сильвии Бейтс он уже сутки как не сидел в полиции, задержанный за хранение наркотиков во время облавы в местном клубе. Маркус сначала подумал, что дружки этого наркомана могли попасть не в тот дом и просто убить несчастную, вымогая у нее деньги, но эта версия сразу же провалилась после того, как Хейз понял, что на месте преступления не было абсолютно никаких следов. Наркоманы – не те люди, чтобы делать все чисто, поэтому, если преступник наркоман, тебе, можно сказать, повезло: он наследит везде, где только сможет.

Большинство домов в поселке пустовали, на их фасадах висели огромные плакаты с номерами телефонов риелторов, но никто эти дома не покупал; другие же еще не были достроены, так и стояли возведенными до половины.

До поселка добирались молча, только Кристофер то и дело отвечал на звонки Аннет, постоянно за что-то извиняясь. Ей пришлось прощаться с каждым из пришедших, благодарить их и принимать сочувствие, а еще, наверное, скрывать стыд за выходку Маркуса.

– И что ты ему скажешь? – спросил после долгого молчания Кристофер, когда они уже подъехали к нужному дому.

– Скажу, что дело возобновили из-за схожести почерка двух преступлений.

– Но его не возобновляли...

– Мне все равно.

Кристофера передернуло от этой «схожести», будто Маркус говорил не о жене, которую только что похоронил, а об очередном преступлении, не касающемся его. Может, так оно и лучше – не помнить о смерти, подумал Крис.

Маркус вышел из машины.

– Ты останешься здесь, – сказал он брату.

– Ну и слава богу.

Больше всего Кристофер не любил ставить людей в неудобное положение. Это единственное, что мешало ему в его профессии; каждый день приходилось влезать со своими вопросами туда, где любые вопросы излишни. Берeditь ста-

рые раны, копаться в личных воспоминаниях людей... И его это жутко выматывало. Кристофер смотрел, как брат подходит к крыльцу, поднимается по ступеням, стучится в дверь. Может, дома никого и не будет, подумал он, сегодня и без того ужасный день, только б никто не открыл...

Дверь открыли почти сразу. Крис смотрел на сутулую фигуру мистера Бейтса, работавшего старшим менеджером в одной из компаний в центре. Высокий, в коричневых штанах на подтяжках, он стоял напротив Маркуса и кивал. Через секунду они оба скрылись за дверью.

* * *

Маркус зашел в дом. После слов о повторном схожем убийстве на лице Эвана Бейтса промелькнула еле заметная улыбка.

– Значит, надежда все-таки есть? – спросил он.

– Надежда...

У Маркуса уже не было никаких надежд; все, что было, он похоронил час назад.

– Надежда есть, – выдавил он. – Схожее орудие преступления.

– Молоток для отбивки мяса?

– Именно он.

– Вот оно что, – протянул Бейтс, расхаживая по прихожей, почесывая подбородок. – Вот оно что... – Остановился. – У

вас есть какие-нибудь зацепки?

Маркус почти не слышал, что говорил Бейтс. Он пытался вспомнить, был ли сутулым тот тип, походил ли голос Бейтса на то «извините». Если б не ветер, гудевший тогда в ушах, он бы лучше расслышал, но то «извините» будто донеслось из глубокой пещеры или со дна колодца, придавленное со всех сторон.

– Нет, из зацепок только молоток. – В дом зашел Кристофер.

– Так, значит, это маньяк? – не унимался Бейтс.

– Не исключено.

– Я знал, знал, – Эван затряс пальцем.

– Знали?

– Конечно! – Он выпучил глаза. – Только маньяк мог сделать такое. Разве нет?

– Да... только маньяк, – согласился Маркус.

Тогда, два года назад, Бейтс был одним из подозреваемых в деле Сильвии. Мужья всегда главные подозреваемые в таких делах. Вот только у него было алиби, и не одно, а сразу три.

– И если б вы поймали его тогда, он не появился бы сейчас. Так ведь? Но вы ничего не сделали! – Бейтс расхаживал по кухне. – Мне кажется, вы и не начинали делать...

– Я бы не был столь категоричен, – начал Кристофер, – не каждое дело можно раскрыть.

– Да, вы правы: если бы мы поймали преступника, второго

бы раза не произошло, – сказал Маркус.

– И кого убили на этот раз? – Бейтс вытащил сигарету из пачки и поднес ко рту; она повисла на иссохших губах, а он все щелкал зажигалкой, прокручивая и прокручивая тугое колесико.

– Разрешите, – Кристофер дал ему прикурить.

– Спасибо, – тот причмокнул. – Так кого?

– Это не имеет значения.

– Не имеет? – Затянувшись, Бейтс выпустил вонючий клуб дыма. – И что, даже по новостям не покажут? Помню, когда убили Сильвию, репортеры не давали мне прохода: «Как вы себя чувствуете, мистер Бейтс?», «Не известны ли новые подробности дела, мистер Бейтс?..»

– Мы лишь пришли сказать, что дело возобновят из-за схожести почерков этих двух преступлений, – сказал Маркус.

Он не мог сейчас думать о Кэтрин как о своей жене. Он думал о ней как о деле, о новом деле, которое непременно нужно раскрыть. Вспомни он хоть на секунду, что она – его жена, которую он похоронил сегодня, представь он, что этот менеджер мог быть ее убийцей, он разнес бы ему сейчас всю черепушку.

«У него было алиби, – крутилось у Маркуса в голове, – было алиби».

Он оглядел темную комнату, плавно переходившую в кухню; в раковине не было ни тарелки, на полках лежала пыль.

Когда Маркус был здесь два года назад, все было совсем по-другому. Видимо, дом держала миссис Бейтс. Вот бы ему еще раз осмотреть здесь все...

– Что-то еще? – спросил хозяин дома.

– Да... Я хотел спросить, – начал Маркус. – Не замечали ли вы ничего подозрительного за последнее время?

– За последнее время?

– За то, что прошло с момента убийства вашей жены.

– А что я должен был заметить?

– Может, какие-то люди... Никто к вам не приходил?

– Вы думаете, и мне мог кто-то угрожать?

– Нет, мы так не думаем, – встрял Кристофер. – Перестань пугать людей, – шепнул он брату.

– А где вы были вчера вечером? – спросил тот.

– Я? – удивился Бейтс. – А какое это имеет значение?

– Вообще никакого, – сказал Крис.

– Можно мне осмотреть дом? – Маркус прошел на кухню.

– Опять?

– Что значит «опять»?

– Вы уже осматривали его два года назад. Или забыли?

– Да, я помню. Так можно?

– Пожалуйста, проходите. – Бейтс изобразил радушие.

Маркус прошел в комнату, потом в другую, осмотрел кухню. На столе стояли недопитый кофе и коробка овсяного мюсли.

– Не пьете обычное? – спросил он.

– Не пью, – ответил Бейтс.

Маркус оглядел комнату. Чего-то здесь не хватало с того раза, что-то здесь изменилось. Фотографии... Огромная рамка со свадебным фото стояла тогда на камине, еще несколько висели на стене.

– Вы убрали все фото жены? – спросил Хейз.

– А вы бы смогли смотреть на жену, которой уже нет? – У мистера Бейтса сорвался голос.

– Извините, – Кристофер уже не знал, куда себя деть, – мы не хотели вас беспокоить и уже уходим.

Он взял брата под локоть и потащил за собой.

– Я хочу, чтобы вы держали меня в курсе дела, – крикнул им вслед Эван Бейтс. – Держите меня в курсе! Слышите?

«Мы даже не занимаемся этим делом», – подумал Кристофер.

– Конечно-конечно, – сказал он, – если будут какие-то новости касаяемо вашего дела, мы вам обязательно сообщим.

8 глава

Маркус еще долго стоял у машины, всматриваясь в занесенный снегом дом мистера Бейтса. Нащупав в кармане куртки смятую пачку сигарет, он вытащил одну трясущимися губами и постучал в закрытое стекло. Из машины высунулась рука брата с потухающей на ветру зажигалкой. Огонек от нее то и дело замирал, исчезал и вновь появлялся.

– Я думал, ты бросил, – сказал Крис, прикрывая ее рукой.

– Я тоже так думал. – Маркус закурил.

– Что-то не так? – спросил брат и тут же обругал себя. Сегодня все было не так. Все было не так последние несколько дней.

– Дом, – сказал Маркус, затаившись и выпустив клуб дыма.

– Что? – не понял Крис.

– Крыша не чищена.

– И?..

– И парковка тоже.

– И что это значит?

Маркус докурил сигарету, причмокнул, прожег окурком ближайший сугроб и сел в машину.

– Он приехал недавно.

– С чего ты взял? – Кристофер застегивал ремень.

– Дом пустовал, в нем не жили.

– Хочешь сказать, он здесь не живет?

– Не живет, отъезжал... я не знаю. Но то, что приехал на днях, – это факт.

– Брось, Марк. – Кристофер завел машину. – Вдовец в опустевшем доме может и годами пыль не протирать.

– Мне нужно в участок.

– Что? Сейчас?

– Ты помнишь те записи?

– Какие?

– Что мы приобщили к делу.

– Улики по делу Бейтса?

– Именно.

– Тебе нужно выспаться, Маркус.

– Мне нужно в участок!

Кристофер ворчал, но все же поехал. Он понимал, *что* сейчас делает его брат, и старался ему не мешать. Когда из-за одной твоей ошибки рушится жизнь другого человека, это, может, и вызовет у тебя сожаление, но когда из-за тебя рушится твоя собственная жизнь, сожалеть уже становится не о чем; тебя переполняет безжалостность, и не к другим, а к самому себе.

Сейчас Маркус презирал самого себя больше, чем кого бы то ни было. Он даже смерть жены не переживал так сильно, потому как скорбеть значило жалеть себя, а себя Маркус сейчас ненавидел. В том старом деле, которое пылилось в архиве уже два года, не было никаких подвижек. У мужа

Сильвии оказалось алиби – билет на поезд до другого города, прибытие в конференц-зал и отъезд обратно утром следующего дня. В доме его уже ждали полиция и психолог из отдела убийств. Ошеломленный Бейтс показывал билеты и разрядившийся телефон, по которому до него не могли дозвониться. В морг он поехал сразу. Оpozнание прошло без лишних истерик – истерики случились потом, когда он звонил в полицию и каждый день спрашивал, как продвигается дело. Потом Бейтс звонил капитану, а после – в вышестоящие органы, интересуясь, не уволили ли их всех. Маркус успокаивал его, как и каждого в подобной ситуации, говоря, что все под контролем и как только что-либо будет известно, они ему обязательно позвонят. Позвонили Бейтсу лишь через год – сказать, что дело закрыто за недостатком улик. Но все же улики были. Орудие преступления нашли там же, в кустах рядом с жертвой, только вот отпечатков на нем никаких уже не было, кроме неотчетливых «пальчиков» миссис Бейтс. Видимо, жертва перехватила молоток, прежде чем тот вознесся над ней, а преступник работал в перчатках. Может, была борьба. Вот и все, что стало известно.

Они заворачивали к участку.

Маркуса встретили потупленные взгляды и сочувствующие вздохи. Все молчали, и он молчал. Затем прошел в кабинет архива, где из кипы нераскрытых дел достал свой «приговор». Сквозь матовый прозрачный конверт на него смотрели фотографии Сильвии Бейтс; она лежала на заднем дворе

своего дома вся в грязи и крови, вымокшая до нитки. Маркус достал диск и вставил его в плеер.

– Я принес тебе кофе. – В кабинет зашел Кристофер. Его брат не отрываясь смотрел в проясняющийся экран телевизора. – Как ты?

Маркус молчал. Кристофер сел рядом.

Эван Бейтс появился на экране через пару минут после начала записи. Крис остановил воспроизведение.

Здание бизнес-центра «Атлантик-Плаза» ничем не отличалось от ему подобных в других частях Земли. На первом этаже располагался пропускной пункт, а также три крупных конференц-зала; на втором был зал для банкетов, выше – офисы под аренду. Эван Бейтс вошел в стеклянные двери «Атлантик-Плазы» в полдесятого утром. До центра он добрался на такси, о чем свидетельствовали записи оператора. Такси Бейтс вызвал с вокзала, на который прибыл из дома, что и было зафиксировано в его билетах.

Пройдя вертушку и двух охранников, Бейтс подошел к зеркалу, поправил прическу и проследовал в конференц-зал, из которого вышел только под вечер. Вызвав такси, он отправился на вокзал, где и сел в поезд. Приезд, бизнес-центр, отъезд обратно. Маркус три раза перематывал запись. Бейтс входит в здание, приглаживает волосы перед зеркалом и проходит в направлении указателя, провожающего в конференц-зал.

– Ну как? – не выдержал Кристофер, после того как брат

в очередной раз прокручивал запись вперед.

- Мне нужно знать, где он был в день убийства Кэтрин.
- Как ты собираешься это сделать?
- А есть какие-то варианты?
- Допрос? На каком основании?
- На том, что он, может быть, убил мою жену.
- Но ты даже не знаешь, кто убил его жену!

9 глава

«Дерзкое убийство произошло в доме сержанта полиции...»

Утренняя газета лежала в мусорном ведре у входной двери. Маркус сразу же отправил ее туда, как только увидел заголовок. Делать сенсацию из горя – главное кредо журналистских гиен. Хейз ненавидел журналистов. Хорошо, что их не было в день убийства; не будь он полицейским, им разрешили бы приехать в тот же вечер.

Хейз уже допивал остывший чай, когда в дверь позвонили. На пороге стояла хрупкого вида женщина. Маркус не сразу ее узнал. Когда он видел ее в последний раз, она была еще не такая седая.

– Здравствуйте, – еле вымолвила женщина.

– Здравствуйте. – Маркус отступил на шаг.

– Извините, что тревожу вас, – она накручивала на палец носовой платок, – я понимаю, что совсем не время... Вам и так тяжело.

– Проходите, – впустил ее Хейз.

Женщина вошла и встала у двери.

– Я не хотела вас тревожить, но эти новости, ужасные новости... Примите мои соболезнования. Так ужасно терять близких... – Она приложила платок к губам.

– Ужасно, – согласился Хейз.

– Я хотела спросить... – Женщина замялась.

– Спрашивайте.

– Правда ли то, что пишут в газетах?

– А что в них пишут?

– То, что вашу жену тоже так убили. – Она опустила взгляд. – Я понимаю, два года прошло...

– Значит, там и об этом написали? – Хейз достал из ведра свернутую газету и раскрыл ее. Они действительно так написали. Какой кретин давал интервью, думал Маркус, хотя известно какой – чертов Итан. Не смог выждать и неделю...

– Значит, если убийства схожи, может ли это означать... – Женщина робела.

– Может, но пока рано о чем-либо говорить.

– Но есть ли шанс, что убийцу найдут?

– Есть.

– Хвала Господу, – сказала женщина, но тут же закрыла рот рукой. – Простите, пожалуйста, – засуетилась она, – простите, что я говорю... Это такое горе, мистер Хейз, такое горе... – И разрыдалась.

Маркус молчал.

Успокоение родственников жертв никогда не входило в его обязанности, с ними должны были работать психологи, но пока те добирались до места, всю эту работу приходилось проделывать ему. Все слова были отточены до автоматизма. Все действия носили однотипный характер. Испытывал ли

он тогда сочувствие? Скорее нет, чем да. Сейчас же он был одним из них.

– Я не хотела тревожить вас, – женщина попятилась к порогу, – не хотела...

– Ничего страшного.

Она еще немного помялась на выходе, нащупывая ручку двери, хотела что-то сказать, но, так и не вспомнив, что именно, извинилась и вышла.

Маркус закрыл за ней и опять заглянул в газету. На первой полосе красовалось фото полицейского участка и его района, как бы говоря читателям о бесполезности полиции города. Им хватило ума не помещать фотографию его дома, хотя кто теперь не знает, чей это дом...

Он подлил в остывшую чашку еще кипятка, когда в дверь опять постучали. Хейз открыл.

– Что-то еще? – спросил он.

– Простите, что отвлекаю, – сказала все та же женщина, – я не хотела вас тревожить...

– Я же сказал, вы меня не тревожьте.

– Я не хотела вас тревожить, но эти новости, ужасные новости... Примите мои соболезнования. Так ужасно терять близких...

Какое-то странное дежавю.

– Вы это уже говорили.

– Я хотела спросить, правда ли то, что пишут в газетах?

Хейз молчал.

– Что вашу жену убили так же.

Хейз зажмурился, надавил дрожащими пальцами на глаза, так что перед ними поплыли разноцветные пятна, и снова посмотрел на седую женщину; ему показалось, он сходит с ума.

– Я же сказал, что это правда, – еле произнес он. – Послушайте, вы же только что приходили, пару минут назад...

Она смотрела на него не моргая.

– Приходила?

– Разве нет? – уже и сам засомневался он.

Женщина замолчала, но вскоре продолжила:

– Я понимаю, сейчас такое время... – Она замялась. – Так, значит, убийства схожи?

– Схожи, – у Хейза помутилось в глазах, – но пока рано о чем-либо говорить.

– Но есть шанс, что убийцу найдут?

– Есть.

– Хвала Господу! – вскрикнула она и тут же закрыла рот рукой. – Ой, извините...

– Вы уже извинялись.

– Да?

– Я думаю, да... я не уверен... Извините, я хотел бы остаться один.

– Конечно-конечно, такой день, – залепетала женщина, торопясь уйти.

Она что-то еще говорила, но Маркус уже закрыл за ней.

Все растворялось и плыло перед глазами. Хейз привалился к двери, медленно сполз на пол и уткнулся головой в колени. Сон медленно забирал его, расслабляя уставшее тело, остужая горячую голову, убаюкивая расстроенный ум...

Вдруг он услышал знакомые звуки, привычную для кухни возню. Там, у окна возле плиты, стояла его Кэтрин, надевая рукавицу-прихватку.

– Ты слишком много работаешь, – сказала она и открыла дверцу духовки.

Он видел ее, он слышал ее, он мог с ней говорить...

– Посмотри на себя, ты валишься с ног. – Кэтрин вытащила пирог, поставила его на стол и вдохнула яблочный запах.

Хейз не верил своим глазам.

– Хорошо получилось, – сказала Кэтрин. – Ну что ты там сидишь, проходи.

Она сняла рукавицы и фартук.

Маркус смотрел на жену не отрываясь, боясь спугнуть ее и больше не увидеть. Она подходила ближе; стук каблучков ее домашних туфель отозвался болью в израненной памяти.

– Да что с тобой? – подала ему руку. – Поднимайся.

Маркус еле встал.

– Сегодня такая метель, я думала, ты опоздаешь... – Кэтрин положила голову на его плечо и стала раскачивать и мужа, и себя в незатейливом тихом танце.

– Я опоздал, – еле вымолвил он, чувствуя ее запах, нюхая ее волосы.

– На каких-то десять минут... – Она улыбнулась. – Это не страшно. Обними меня.

Маркус обнял ее крепче.

– Не так сильно, – засмеялась Кейт. – Ладно, иди ешь, пирог остывает.

Маркус прошел к столу; по кухне разносился запах ванили и яблок.

– Все, как ты любишь. – Кэтрин улыбалась, смотря на него.

– Ты не присядешь? – спросил он.

В дверь опять постучали.

– Сейчас, только открою, – она поспешила к двери, – а ты ешь.

– Нет! – Он не мог сдвинуться с места, ноги будто приросли к полу. – Не открывай, Кэтрин! Нет!

Но она уже не слышала его. Стук раздавался сильнее и сильнее. Кейт потянулась к двери...

– Нет! – крикнул Маркус и открыл глаза.

* * *

Кто-то ломился в дверь с наглым назойливым стуком. Так стучать могут только...

Маркус потянулся к дверной ручке.

– Здравствуйте! – На пороге стоял молодой человек в помятой зеленой куртке. – Я из туристической компании «Се-

мейный отдых». – Он держал в руках буклет.

Точно! Так стучать могут только торговцы и распространители всякого барахла.

– Какого черта... – приходил в себя Хейз.

– Мы приглашаем вас на увлекательную семейную экскурсию по озеру Роуз. Для вас: романтический отдых вдвоем, катание на лодке и бесплатная фотосессия. – Он вручил ему рекламную брошюру.

– Мне не нужна никакая экскурсия и катание на лодке.

Молодой человек, не выразив более никакой настойчивости, развернулся и ушел, скрывшись в нависающем над улицей тумане.

Странно, подумал Маркус, обычно они назойливее. Захлопнул дверь и выбросил буклет к газете. Затем постоял еще пару минут, прислонившись к двери; мысли его путались и шумели. Он попытался опять вернуть Кэтрин, почувствовать ее запах, ее руки на своих щеках. Он часто так возвращал ее из мира мертвых в свой потаенный мир, она была так осязаема, так привычна, так странно было это все... Но этот рекламщик стоял у него перед глазами, не подпуская никаких воспоминаний. Маркус хотел отмахнуться от парня, как от назойливой мухи, но тот все не уходил.

Мы приглашаем вас на увлекательную семейную экскурсию по озеру Роуз, – раздалось у Хейза в голове, – по озеру Роуз... по озеру...

– Подождите, какая экскурсия? – Он открыл дверь, но у

дома уже никого не было, только ледяной порывистый ветер обдал его снегом.

Никаких экскурсий на озере Роуз зимой не проводили. Хейз достал буклет из мусорной корзины и открыл его. На пол упала прядь рыжих волос Кэтрин.

* * *

Озеро Роуз было одним из памятных мест их невзрачного города. Оно замерзало зимой и воскресало под лето – кристально-голубое, глубокое, с миллионом ледяных трещин, привлекающее туристов своей природной нетронутой красотой. Маркус несся по встречке, обгоняя поток неторопливых машин, заносясь на поворотах, чуть не влетая в стоявшие на обочинах многотонные фуры. Вот он промчался мимо частных домов, мимо пекарни и строительного магазина, выехал на перекресток, пересек торговый переулок, миновал заправку, парковку для грузовых машин, проехал мимо полицейского участка, оставив его далеко позади. Вдруг издаleка послышался звук полицейских сирен; он нарастал тем быстрее, чем сильнее Хейз давил на педаль. Это за ним, понял он. В этом городе полицейским если и есть чем заняться, так это выписыванием штрафов. Маркус свернул на объездную дорогу, чтобы хоть как-то оторваться. По объездной было дольше, но и машин здесь немного, так что добраться до цели можно быстрее. На переднем сиденье лежал реклам-

ный буклет туристических экскурсий по озеру Роуз. Прядь волос Кэтрин выпала дома; он не помнил, поднял ее или она так и осталась там, на полу. Нет, он поднял, точно поднял, поднял... и куда дел? Хейз полез в карман брюк, одной рукой управляя машиной, – нет, ничего, пусто. Может, выпали, пока он шел до машины? Но Маркус помнил, помнил, что это были они, это волосы Кэтрин, рыжие, как закатное солнце...

Городские дома исчезали в зеркале заднего вида, смыкаясь в одну темную точку; они остались далеко позади, когда он приехал на место. Стрелка спидометра резко опустилась до нуля, закрипели тормоза. Окаймленное снежными берегами озеро Роуз застыло меж них, поглотив в своем зазеркалье и небо, и берег, и ели макушками вниз. Маркус спускался по заснеженному каменистому склону, соскальзывая, цепляясь руками за облысевшие ветки кустов. Где-то вдали все еще слышался гул полицейских сирен. Туман, будто страшась прикоснуться к замерзшим водам, лишь нависал над ними, не покрывая собой. Вокруг только промозглая пустошь и тишина. Маркус огляделся. Все замерло, все было неподвижно – и лед, и туман, и высокие ели над ним. Вдруг что-то двинулось на другом берегу. Хейз присмотрелся – и не поверил. Там, далеко, на другой стороне, за метелью и серым туманом, неподвижно стояла Кэтрин, все в том же зеленом платье и вязаной кофте до колен. Он не верил, что видит ее.

Кэтрин помахала ему, но тут же развернулась и пошла

прочь. Она исчезала медленно и плавно, скрываясь в тумане и снежной неге хвойных ветвей, лишь изредка мелькая макушкой своих ярко-рыжих волос.

– Кэтрин! – Маркус ступил на лед. – Кэтрин, стой!

Он бежал через замерзшее озеро, ноги его скользили, пытаясь нащупать опору.

– Кэтрин! – кричал Хейз, охрипнув от ветра.

Но ее уже не было видно – только дразнящее эхо, отлетая от деревьев, разносилось по пустынной округе, растворяясь в ледяной тишине. Маркус начал ступать шаг за шагом, осторожно, без резких движений. Еще немного, и он пересечет эту гладь, только бы не упасть... Лед трещал под его ногами, Маркус шатался, раскинув руки, пытаясь удержаться. Треск нарастал, и Хейзу показалось, что он бежит по этому треску, или треск бежит на него; дыхание его участилось, он уже не чувствовал ног. «Не беги, иди тише...» Но шаг его ускорялся, приближая берег к нему.

Вдруг что-то под ним надломилось и забурило водой. Одна нога провалилась под лед, потонув в холодном потоке, другой он ступил на поверхность, но, не удержавшись, упал. Ледяная корка треснула и провалилась, захватив его с собой. Маркус хватался за лед, подплывая к целому краю, но руки его скользили, не давая приподняться. Хейз не чувствовал половины тела. Он слышал, как глохнет, как его накрывает всего с головой, затягивая в бурлящие воды. Вдруг кто-то схватил Маркуса за ворот куртки и потянул на себя. Кто-то

тащил его и тащил, пока не грохнул на промозглый заснеженный берег.

Маркус лежал на снегу. Холод, замедленный пульс, в глазах потемнело... Лишь силуэт, неотчетливо близко, наклонился над ним и похлестал по щекам.

Звук полицейских сирен.

Человек оглянулся на гул, отошел от него и исчез.

– Маркус! – услышал Хейз свое имя. – Марк... – ветер оборвал голос брата, – держись, я сейчас...

Темнота.

10 глава

Кассовый аппарат монотонно пищал, пробивая очередной штрихкод. Женщина, стоявшая впереди, не продвигалась ни на шаг. Раслин уже привыкла приходить в супермаркет за пять минут до закрытия. Работы в участке было немного, но уйти раньше она не могла. Маркус засиживался до последнего, и Раслин была рядом с ним. Она подвозила его и провожала, если тот хотел прогуляться пешком. Кристофер же уезжал пораньше; после всего случившегося он сам забирал жену, не отпуская ее никуда. К тому же отобрал у брата ключи от его машины, после того как тот на скорости влетел в забор соседнего дома, преследуя очередное видение. Вот и сегодня Раслин довезла Маркуса до его дома, погрела купленный в ближайшей к нему забегаловке ужин и, убедившись, что все хорошо, только сейчас добралась до своего. Точнее, до магазина недалеко от дома. Ее холодильник уже три недели как был пуст – только газировка и пара лимонов. Это убийство изрядно выбило ее из колеи. Раслин знала, что оно неслучайное. Убийство жены полицейского случайным быть просто не может. К счастью, у нее самой не было ни мужа, ни детей. Раньше она загружалась по этому поводу, а сейчас была только рада. Куда лучше переживать за саму себя, чем за близких. Маркус был единственным, о ком она переживала.

– Извините, – раздался голос за ее спиной, – я поставлю

корзину вот здесь?

Запах мужского одеколона и драпа. Раслин подвинула свои продукты.

– Спасибо, – сказал мужской голос. Вторая корзина была втиснута на ленту.

Женщина впереди наконец расплатилась и, перекинувшись двумя словами об ужасной погоде, отошла от кассы. Раслин выкладывала продукты на ленту. Кассирша, пробив половину товара, остановилась и посмотрела на нее.

– Что-то не так? – спросила сержант.

– Нет-нет... – Кассирша продолжила пробивать. – Скажите, – она подалась вперед, – вы из полиции?

– Из полиции, – равнодушно сказала Раслин, надеясь избежать продолжения разговора.

– Я слышала, произошло очередное убийство...

– Очередное?

– Ведь только пару лет прошло или чуть больше... Тоже женщина и опять молодая. Говорят, это жена полицейского...

– Простите, я не могу разглашать детали.

– Да-да, – кассирша перешла на шепот, – я понимаю. Но не много ли убийств для нашего города? Тогда убили Сильвию Бейтс, а сейчас... И вы знаете, люди уже говорят, что убийства похожи!

– Мы пока работаем над делом, и нельзя утверждать это с точностью. – Раслин спешно складывала продукты в пакет.

– Может, это серийный маньяк? – не унималась кассирша.

– Не думаю, мэ. Не волнуйтесь; скорее всего, это два совершенно не связанных друг с другом убийства.

– Вы думаете? – удивилась та.

– Я уверена, что они никак друг с другом не связаны. Вам не стоит беспокоиться. – Раслин постаралась улыбнуться, но из улыбки ее получилось что-то кривое и несурзное.

– Но как же не беспокоиться...

– Простите, я тороплюсь, – протараторила она и, выхватив из рук кассирши багет, оставила на кассе две смятые купюры.

– Конечно-конечно... – Кассирша оглянулась на выбегающую Раслин. – Все такие занятые, – проворчала она. – Лучше б они так торопились дела раскрывать.

– И вы абсолютно правы, – сказал мужской голос.

– А я всегда права. – Не поднимая глаз, кассирша проби-вала следующую покупку.

– И эти убийства действительно схожи. – Мужчина складывал все в пакет.

Она подняла глаза. Господин в длинном пальто с поднятым на затылок воротом смотрел на нее.

– Ах, это вы! Я вас не сразу узнала...

– Ничего, я и сам себя не узнаю, – сказал он.

– Вот, возьмите еще один пакет.

– Спасибо, – мужчина вежливо кивнул.

– Значит, вы все же думаете, – кассирша еще раз покоси-

лась на дверь, будто тень выбегающей Раслин все еще была там, – что это один и тот же маньяк?

– Уверен. Говорят, и орудие то же...

– Да что вы говорите, – ахнула она.

Мужчина кивнул.

– А как вы думаете... – Кассирша огляделась по сторонам и, убедившись, что никого больше нет, прошептала: – Убийца все еще в городе?

– Вполне может быть.

– Мать божья...

– Вот, возьмите, у меня здесь купон на скидку, – мужчина полез в карман, – десять процентов от чека.

* * *

Раслин включила свет на кухне – тот затрещал мерцающей лампочкой, а после разлился по стенам, проявив, как на негативе, скромную обстановку холостяцкого быта. С момента убийства Кэтрин прошло больше трех недель. Маркусу с каждым днем становилось все хуже, а ей все невыносимее было смотреть на него. Кристофер попросил ее поговорить с братом, убедить переехать в новую квартиру или вообще продать этот чертов дом, но Раслин так и не могла начать разговор.

В микроволновой печи подогревалась лазанья. Электрический чайник закипал, похрипывая и поднимая со дна мел-

кие пузырьки бурлящего воздуха; они увеличивались и сгущались, выпуская из раскаленного жерла горячий пар. Раслин заваривала крепкий кофе, смотря в освещенную дверцу микроволновой печи; запах мяса возбудил аппетит, в животе забурлило, засосало меж ребер. Оставалось десять секунд.

Девять, восемь, семь...

Тупой грохот под полом сбил ее со счета. Раслин перевернуло от брезгливости. Год назад она уже избавлялась от крыс – пришла служба по отлову и, провозившись в подвале полдня, уверила, что впредь их не будет. Микроволновка запищала прерывистым писком и тут же погасла, как и свет во всем доме.

Раслин посмотрела в окно – окна других домов все так же светили, как и фонари возле них. Скрип подвальной лестницы, грузные шаги. Она открыла выдвижной ящик и достала кухонный нож, пытаясь вспомнить, где оставила сумочку. Она всегда кидала ее куда придется: на диван, за него, на кресло или возле двери... Где эта чертова сумка была на этот раз, Раслин не знала, да и зачем ей знать – телефон разрядился еще в машине.

Скрип ручки подвальной двери разнесся по всему дому. Мертвая тишина разрядилась чужим дыханием; чья-то тень, выйдя из сумрака, надвигалась на нее. Раслин вскрикнула и замахнулась ножом, но чужая рука над ее головой взлетела быстрее. Только она успела увернуться от прямого удара, как за ним последовал новый удар, повалив ее на пол. Острая

боль у виска, тень навалилась всем телом. Раслин пыталась высвободить руку, но человек лежал на ней неподвижным грузом и еле дышал. Он устал, поняла Раслин. Она ударила его промеж ног, высвободила нож и опять замахнулась, но он схватил ее руку и подвел к ее же лицу, прижав острие к виску. Режущая боль острым жаром разлилась по щеке. Рука в кожаной перчатке схватила ее за лицо и со всего размаху ударила затылком об пол, потом еще раз и еще...

11 глава

– Орудие преступления – опять молоток? – Итан Эванс осматривал окровавленный пол гостиной, на котором только что лежала Раслин.

– Опять... – Кристофер тер виски. – Поверить не могу.

– Похоже, это маньяк...

– Похоже?!

– Эй-эй, не кипятись, я-то тут при чем? Ты слышал об эффекте криминальной миникрии?

– Мимикрии.

– Вот, точно, о ней!

– Я тебя умоляю...

– А ты не отмахивайся, такие вот преступления могут порождать подражателей. Может, того убийцы и след простыл...

– Какого именно? Убийцы Сильвии или Кэтрин?

– Не знаю, но узнаю. – Итан выпучил на него свои рыбы глаза. – Если твой брат опять не влезет... А, нет, – он глянул на дверь, – похоже, что влезет.

– Где она? – В дом зашел Маркус.

– Увезли в городскую больницу, она без сознания. Резаная рана лица и удар тупым предметом по голове.

– Молотком?

– Да, но он прошел по касательной.

– А рана?

– Ножевая. Нож не нашли, как и молоток.

Хейз огляделся по сторонам. На столе стоял неразобран- ный пакет с продуктами, в открытой микроволновке – нетро- нутый ужин. Криминалисты осматривали дверь в подвал и лестницу, ведущую вниз.

– Он зашел через задний двор?

– Да, и вырубил пробки – когда мы приехали, здесь не было света.

– Прошу прощения, – влез Итан, – а что ты здесь делаешь, Хейз? Тебя разве не отстранили от дел?

– Когда ее обнаружили?

– В одиннадцатом часу... – Кристофер вздохнул. – Я ре- шил позвонить тебе, узнать, как у тебя дела, но трубку ты не брал, и тогда я позвонил Раслин.

– Она меня подвозила...

– Знаю. Я звонил еще и еще, потом на домашний, но тот был отключен. Тогда-то я и заподозрил неладное. Я взвалил тебя на нее, вместо того чтобы... – Крис осекся. Маркус и правда был лишь его проблемой, и он впервые сказал это вслух.

Кристофер посмотрел на брата, но Маркус, казалось, и не слышал его. Он стоял неподвижно возле размазанного по ка- фелю багрового пятна крови, а потом медленно опустился на корточки, потянулся к кровавой луже и дотронулся до нее.

Подушечки его пальцев окрасились кровью. Он разжал

дрожащую руку и смотрел, как эта самая кровь с кончиков пальцев поднималась выше к запястью – и вот уже залила всю ладонь. Маркус взглянул на вторую руку – та тоже была в крови. Горький привкус вина поднялся до горла, застряв где-то в гортани нарастающей тошнотной. Он не мог вздохнуть, не мог отвести взгляда от лужи крови на полу, в которой лежала она – его бедная Кэтрин.

Она была перед ним, вся бледная и ледяная, промокшая насквозь. Ему бы сейчас накрыть ее чем-то, согреть как-то, лечь рядом с ней... Ее спутанные рыжие волосы пахли кровью, руки в гусиной коже просвечивали на свету. Ресницы дрожали от ветра, или это он на нее дышал... Маркус смотрел на нее мертвую, как никогда не смотрел на живую, долго-долго, не отрываясь, будто боясь что-то забыть.

Вдруг ее посиневшие губы сомкнулись и разомкнулись опять. Кэтрин открыла глаза и посмотрела на него.

– Ты опять задержался, – она улыбнулась, – я ждала тебя долго, весь вечер...

Маркус не мог проронить и слова. Все мышцы лица свело мертвым холодом, холодом опоясало голову, пронзило шею, будто острием ледяного клинка проводили по позвоночнику, не давая пошевелиться.

– Я знаю, родная, – он погладил ее по испачканным кровью щекам, – я знаю...

– Это я виновата, я сама открыла ему, – плакала Кэтрин.

– Нет, – голос его задрожал, – ты же думала, что это я...

– Ты, как всегда, ушел без ключей.

– Как всегда...

Кейт еще раз улыбнулась ему. Маркус закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

– Не переживай, – услышал он голос Криса. – Хорошо, что она жива. Если бы прождали до утра...

– Да, – кивал Итан, – тогда бы никаких тебе показаний.

Маркус, шатаясь, поднялся с пола.

– Ты как? – Крис поддержал его.

– Весь дом уже осмотрели?

– Еще раз прошу прощения, – к нему подошел Итан, – но это все еще не твое дело!

Маркус ничего не ответил, лишь повернулся к двери.

– Ты куда? – Кристофер поспешил за ним.

– В больницу.

– Ну уж нет, – подскочил Эванс, – с Раслин буду говорить я, это дело доверили мне!

– Ты просто приехал на вызов, – покосился на него Крис.

– Значит, доверят...

– Поедешь со мной? – Маркус посмотрел на брата.

– Да куда я денусь... – Кристофер брякнул ключами в кармане и поплелся за ним.

– Куда это вы собрались? – кричал Эванс. – Это мое дело, понятно?

Крис и Маркус вышли из дома.

Ближайшая больница в городе, куда и доставили Раслин, находилась в десяти минутах езды. Снежный туман все так же обволакивал узкие улицы; полуночная темень, проступавшая сквозь него, оголяла силуэты частных домов и невысоких круглых кустарников, что стояли вдоль тротуаров.

– Этот придурок и не думает отступить. – Маркус заворачивал на центральную улицу.

– Этот придурок вообще не думает, только мешаетя под ногами. И почему в отделе держат тех, кто ничего не делает?

– Потому что они не лажают по-крупному? – Маркус посмотрел на брата, улыбнувшись болезной улыбкой, потом на свои пальцы, впитавшие следы застывшей крови Раслин, почувствовал, как к ним опять подступает дрожь, и крепче сжал руль.

– Лучше бы я повел... – Кристофер пытался вытянуть из-за спины застрявший ремень безопасности.

– Что такое? Ты тоже думаешь, что я псих? – Маркус набирал обороты.

– Ты снес забор жилого дома.

– Машину тогда занесло.

– А твоя беготня по замерзшему озеру?

– Я думал, человек утонул...

– Человеком была не Кэтрин?

– Тебе не понять.

– Я многое понимаю, Марк, правда, я могу понять все что угодно, поверить в любой невозможный бред, лишь бы тебе стало легче...

– Мне твоя жалость не нужна.

– А что тебе нужно? – Крис наконец защелкнул ремень. – Провалиться под лед или разбиться в машине, догоняя призрака жены?

– Сейчас нужно думать о Раслин, – сказал Маркус и больше не проронил ни слова. Лишь смотрел, как уставшие «дворники» ползают по лобовому стеклу, пытаюсь открыть хоть какой-то просвет в мглистой заснеженной ночи.

Всю оставшуюся дорогу они ехали молча. Крис винил себя за то, что часто оставлял Маркуса одного, Маркус винил себя за то, что выгнал Раслин. Сегодня, проводив его до дома, она предложила остаться, но он сказал, что ему нужно побыть одному, и буквально вытолкал ее за дверь.

За перекрестком показалось левое крыло центральной больницы. В прошлый раз Маркус тоже был здесь, только в отделении морга.

– Приехали, – он завернул на большую парковку.

– Похоже, не мы одни. – Кристофер посмотрел на габаритные огни приближающегося авто; дальний свет фар бежал на них невнятным желтым лучом.

– Итан... – Маркус выругался. – Только его не хватало.

* * *

– Пациентка сейчас находится в отделении интенсивной терапии; состояние тяжелое, кровоизлияние в мозг, черепно-мозговая травма... – Доктор в приемном покое спокойно зачитывал диагноз, будто рекламное объявление. – Никаких прогнозов пока дать не могу.

– Когда мы сможем с ней поговорить? – спросил Итан.

– Поговорить? – Доктор посмотрел на него поверх очков. – Молитесь, чтобы она хотя бы пришла в себя.

– Вы хотите сказать... – начал Кристофер.

– Я хочу сказать, что еще рано делать какие-то выводы; первые три дня самые критичные.

– Она может умереть?

– Мы делаем все возможное, чтобы этого не случилось. – Доктор похлопал Криса по плечу. – Извините, у меня много дел.

– Конечно, конечно...

* * *

Маркус смотрел в призрачный сумрак перекрестных улиц через окно приемного покоя. Ночь уже готовилась к рассвету, а буря все никак не затихала – казалось, погода прокля-

ла их всех, отгородив весь мир от них или их самих от этого мира. Маркус заметил, как где-то вдали между домами, в черте горизонта, проступает тонкая нить рассвета. Скоро взойдет солнце, думал он. Еще не свыкся с той мыслью, что дни сменяют ночи, а ночи уходят за днями, и все это смеет жить, когда ее больше нет... Хейз вспомнил, как говорил с ней там, на полу в гостиной, как она смотрела на него вопрошающим взглядом, как она не хотела умирать...

Маркус прислонился к окну.

– Она мертва, – шептал он, – мертва. – Уперся лбом в стекло так сильно, что оно затрещало: – Мертва... – Оторвался от окна.

Темный силуэт стоял перед ним там, в непроглядном тумане. Он прятался в тени, неуязвимый для всех фонарей, для всех окон, что будто специально светили мимо. Маркус сделал два шага назад. Силуэт пошел в глубь снежной бури. Хейз попятился еще, наткнулся на одну из каталок, на стоящее в центре приемной кресло, повернулся, споткнулся о столик; ноги его заплетались, руки сковала дрожь. Он пошел к центральному входу.

– Маркус! – услышал где-то за спиной. – Маркус, стой!

Хейз выбежал из больницы, слетел с покатых ступеней. Проклятый туман сгустился до облаков. Непроглядно-серое нечто опутало улицы. Маркус добежал до парковки, завернул за угол, обежал половину здания – никого нет. Задышавшись от летящего в него снега, он бежал, увязая в сугробах.

Все кружилось и мерцало в глазах: и свет фонарей со стен больничного корпуса, и ночь, и вдруг проступившие звезды. Маркус прищурился – туман отступал, он рассеивался, став прозрачнее. Хейз стер с лица летящий в него снег. На него из сумрака выходил человек.

Маркус достал пистолет.

Выстрел – осечка; выстрел – попал.

Силуэт пошатнулся, выстрелил в Хейза, осел и упал лицом в снег.

– Маркус! – услышал он вопль брата. – Маркус, черт тебя подери!

И почувствовал острую боль в правом колене.

12 глава

– Забери ее сегодня из школы, – сказала Марта, поправляя прическу у большого настенного зеркала.

Грегори только зашел в дом, занеся с собой уличный холод.

– Хорошо, заберу, – сказал он, отряхивая ворот пальто от липкого снега.

– Я хотела заехать сама, но дома столько дел, сам понимаешь...

– Понимаю.

– А сейчас такой ужасный туман, школьные автобусы даже не ходят.

– Не ходят, – согласился он.

– Не пойму, почему в такую погоду не отменяют занятия, как ты думаешь, Грег?

– Тоже не понимаю.

Марта вколола в шиньон одну шпильку, потом вторую, после, убедившись в прочности сей сложной конструкции, повернулась и с деловитым видом посмотрела на мужа.

– Я хочу заказать шары, такие огромные, с блестками внутри.

– Можно и без шаров.

– О чем ты? Пятнадцать лет – это первый юбилей, совсем не повод экономить.

– Я думал, первый юбилей – это десять лет.

– Не цепляйся к словам. Она так быстро растет...

– Да, очень быстро.

– Ты купил, что она просила?

Грегори остановился на минуту, пытаясь вспомнить.

– Горный велосипед, – Марта нахмурилась, – она весь год о нем твердит. Вчера перед сном спросила, купили мы ей его или нет. Для этой девчонки невозможны никакие сюрпризы. Надеюсь, ты купил именно тот?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.